

Комовская Елена Витальевна

КОНЦЕПЦИИ НА ЭВОЛЮЦИЮ ФОРМЫ РОМАНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/11/55.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 11 (54). С. 160-161. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 82-31

Елена Витальевна Комовская

Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского

КОНЦЕПЦИИ НА ЭВОЛЮЦИЮ ФОРМЫ РОМАНА[©]

В 70-80-е гг. XX века ученые пришли к выводу, что у социологии и художественной литературы один и тот же предмет изучения - человек и общество, а значит, методы социологии применимы к художественным произведениям. Это позволило ряду исследователей выделить социологию литературы, в качестве нового направления художественной мысли, которая в целом сводима к двум концепциям развития художественных текстов. Одна во главу угла ставит специфику изображения человека, другая - особенности сюжетного построения.

Представители первого подхода - П. Вайль и А. Генис - убеждены, что существует «два русла литературы. Одно рождает концепцию человека социального: индивидуум вырастает в обществе репродуцируя его структуру» [2, с. 143], то есть он предстает перед читателем как *Homo socialis*; другое «русло» представляет человека как неподлежащего обработке «средой», при таком понимании человек - это «суверенное государство» (каким пытался быть А. А. Зиновьев в условиях идеологического гнета), отдельный микросоциум, или просто *Homo*. Исходя из специфики изображения человека в литературе, художника может, по мнению данных исследователей, интересовать либо вопрос «как живет человек» (при данном подходе человек поступает согласно современным законам социума, яркий пример Обломов как символ губительности патриархального дворянского уклада жизни, Растенья-карьерист в условиях буржуазного социального закона); либо вопрос «для чего живет человек» (при попытке ответить на данный вопрос возникают индивидуальные люди-системы, противостоящие целому миру, достаточно вспомнить феномен «лишних людей», нравственные искания дворян в романе «Война и мир»). По данной концепции при изображении *Homo socialis* существуют определенные жанровые каноны и законы, а при изображении просто *Homo* художественные тексты наполняются разнообразными жанровыми формами, превращаясь в своеобразные «эпопеи» человеческой жизни, в результате произведения «не укладываются в прокрустово ложе» обычных жанровых разновидностей. Следовательно, как отмечал в исследованиях Р. М. Альберес, в литературе существует «две силовые линии» - новаторская и традиционная; эти две формы и должны стать определяющими в литературе последних десятилетий XX века» [6, р. 256].

Представитель второго подхода - Х. Ортега-и-Гассет - эволюцию жанра романа представлял следующим образом: на начальном этапе «...новизна темы позволяла читателю довольствоваться чистым повествованием. Приключения занимали его... Но вскоре темы как таковые перестают интересовать его; источником наслаждения становится... присутствие героя». Однако философ убежден, что «присутствие персонажа» постепенно перестает увлекать читателя, а значит «если жанр романа и не исчерпал себя окончательно, то доживает последние дни» [5, с. 256].

Х. Ортега-и-Гассет, на наш взгляд, не учел, что современный роман может подвергаться «осмыслению» не только «присутствие героя», но и «присутствие» любого элемента связанного с человеком, например, «присутствие» социального закона, вещного мира (деньги, недвижимость, банк), государства, социума.

Особенность подобного преломления предмета изображения в романе отмечал В. В. Агеносов: «XX век обострил и поставил перед наукой и искусством ряд сложнейших проблем от бытия отдельного индивида, его соотношения с другими людьми, обществом, государством до судьбы человечества, от вопроса о смысле отдельной человеческой жизни до проблемы исторических судеб планеты и вселенной» [1, с. 7].

Основываясь на концепциях развития романа, предложенных В. В. Агеносовым и Х. Ортега-и-Гассетом, П. Вайлем, А. Генисом, эволюцию современного романа можно представить как философский закон - отрицание отрицания: если у истока жанра произведения, в которых основное внимание сосредоточено на описании приключений героя, а сам персонаж изображен отдельными штрихами и намеками, то с течением времени акцент перенесен на действующих лиц. Авторами подобных романов ставится вопрос «как живет человек», так возникают социальные, психологические романы. С течением времени писатели основное внимание переносят с действия и персонажа, а на отдельное явление действительности - научное, политическое или социальное. Авторы этих романов начинают интересоваться вопросом «для чего живет человек», в результате появляются философские и социологические романы, сюжет которых сконцентрирован на изучении «сверхсодержательного понятия»: «лишний человек», «обломовщина», «единое государство», «котлован», «глуховцы», «ибанцы», «гомососы».

Таким образом, «новый» объект изображения - это дополнительная грань «старого», ранее художественно неисследованного. Сосредотачивая внимание на отдельных явлениях реальности, имеющих непосредственное отношение к человеку, писатели привносят в художественные тексты добавочный аспект человеческого бытия, а значит, продлевают «жизнь роману».

Следовательно, от приоритета сюжета авантюрного характера роман постепенно переходит к приоритету героя, его личным переживаниям, а затем к «возможности показать что-либо, имеющее отношение к человеку» [5, с. 265], а что имеет более непосредственное отношение к человеку, чем объективные социальные за-

коны, по которым он живет и согласно которым поступает. Не случайно А. А. Зиновьев, автор социологических романов, объектом изображения своих произведений делает именно социальный закон. По мнению К. М. Кантора, «социальные законы вечны и неизменны... Они появляются на свет вместе с обществом в виде правил поведения, которым люди обучаются легко и поголовно, стремясь к самосохранению и улучшению своего существования... Социальные законы не добры и не злы, не обладают ни достоинствами, ни недостатками. Из всех общественных законов, социальные - самые примитивные, ничтожные и отвратительные, самые массовидные в своих проявлениях, почти самоочевидные» [4, с. 41]. По убеждению самого А. А. Зиновьева, «...человечный или бесчеловечный тип общества сложится в той или иной стране, зависит не от самих этих законов как таковых, а от способности населения развить институты, противостоящие этим законам, ограничивающие их» [Там же]. Данные институты могут представлять собой как общественные организации, так и личные программы. Проблема в том, что люди не хотят совершенствоваться, развивать подобные институты, программы, потому что гораздо проще поступать согласно естественным законам бытия.

Следовательно, книги А. А. Зиновьева, по справедливому замечанию П. Вайля и А. Гениса, - «это не история характера, как учил Горький, а приключения осуществленной социологической теории», а «герои, как мотыльки... вьются вокруг идеи» [5, с. 151].

На наш взгляд, в романе «Зияющие высоты» приключения идеи представляют собой следующую сюжетную цепочку: Шизофреник пишет трактат о механизмах действия социальных законов, Социолог осуществляет экспертизу этих законов, Болтун находит разнообразные подтверждения им в социуме Ибанска, Крикун живет под давлением социальных законов, Заибаны вообще не могут прочесть описанные Шизофреником социальные законы.

Следовательно, роман XX века постепенно переходит от представления приключений отдельного лица, или судьбы конкретного человека к приключению идей философского и социального значения. Отсюда абсурдные на первый взгляд романы А. А. Зиновьева, Ф. Кафки, сюжет которых поддерживает исключительно идея.

Список литературы

1. Агеносов В. В. Советский философский роман. М.: Прометей, 1989. С. 147.
2. Вайль П., Генис А. Брошь и фурункул. Сюжетная организация // Феномен Зиновьева / сост. А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: Современные тетради, 2002. 400 с.
3. Вайль П., Генис А. Вселенная без мозжечка. Современная проза. Нью-Йорк, 1982.
4. Кантор К. М. Путь к цивилизации - каков он? // Вопросы философии. 1992. № 11.
5. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
6. Alberes R. M. Histoire du roman modern. Paris, 1962. 350 s.

УДК 81:39

Елена Анатольевна Кузьмина

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЙ ОЦЕНОЧНОГО ХАРАКТЕРА В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ®

Особенности дискурса СМИ являются сегодня популярной темой различных научных изысканий, поскольку современная пресса не только оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения, предопределяет языковую норму, но и вносит свой вклад в эволюционные процессы, происходящие в этнокультурном сознании в целом. По мнению Л. И. Гришаевой, «значимость деятельности средств массовой информации для современного общества проявляется, прежде всего, в том, что они влияют <...> на создание определённого идеологического фона, состояние национальной культуры, пропагандируют определённую систему ценностей. Газета как одно из основных средств массовой информации играет ключевую роль в распространении социально-политических и культурных идей, всё ещё является барометром общественных перемен» [5, с. 54-55].

Следует отметить, что успешность реализации социально значимых функций медиа-дискурса зависит от правильного использования языковых средств. Отмечено, что «если вплоть до начала XX века нормативным было влияние языка художественной литературы, то сейчас именно язык СМИ претендует на то, чтобы решающим образом обуславливать конвенции употребления языка» [Там же, с. 58]. Газеты, журналы, Интернет диктуют обществу новые правила или корректируют старые, они внушают представителям своего лингвокультурного сообщества представления о том, что есть хорошо, а что есть плохо, оказывают прямое влияние на существующую оценочную шкалу и нормы поведения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что медиа-дискурс является важным фактором, участвующим в формировании оценочных категорий, специфика которых «позволяет говорить об особом формате языкового знания, возникающем в пространстве языка и вне этого пространства не существующем. В